

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета Бранденбергера Дэвида по диссертации Шумакова Михаила Дмитриевича на тему: «Оборона Царицына в период Гражданской войны в России в 1918 г.: военно-стратегическое, политическое и историко-культурное измерения», представленная на соискание научной степени кандидата исторических наук по научной специальности 5.6.1. «Отечественная история».

«Оборона Царицына в период Гражданской войны в России в 1918 г.: военно-стратегическое, политическое и историко-культурное измерения» — диссертация, которая решает две взаимосвязанные задачи: она анализирует военную и политическую историю эпической осады 1918 года и рассматривает сопутствующие мемориальные мероприятия, связанные с официальной массовой культурой и советской политикой исторической памяти в период с 1920-х по 1980-е годы.

Первая часть диссертации — которая занимает около трех четвертей всей работы — предлагает подробный анализ самой Оборона Царицына. Этот отчет, который фокусируется на военных аспектах осады в Первой главе и политических аспектах события во Второй главе, объединяет соответствующие первоисточники из ряда крупных федеральных архивах с подробным анализом опубликованных документов, мемуаров и научных исследований. Эта часть диссертации демонстрирует пристальное внимание к деталям. Она фокусирует внимание на традиционных аспектах царицынских событий — в частности, на роли, которую сыграло советское военное и политическое руководство. Как и ожидалось, И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный и В.И. Ленин играют большую роль в повествовании. Я нахожу данную часть диссертации тщательной, профессиональной и удовлетворительной.

Среди вопросов, возникших в ходе этого чтения, несколько особенно важных проблем касались того, может ли современная военная история предложить новые методологические подходы к этим историческим событиям. Новаторские отчеты о партизанской кампании, которая имела место в регионе наряду с самой битвой (56-57, 65-

66 и т. д.) наверное могли бы быть дополнены более систематическим, тщательным рассмотрением общественного настроения (66-67, 76, 111, 120, 153, 193-195 и т. д.), принудительной дисциплины (66, 105, 114 и т. д.) и т. д. Побольше сравнительного анализа также приветствовалось бы: как Оборона Царицына сравнивалась с другими крупными сражениями гражданской войны? Была ли она действительно такой решающей, как ее часто представляют в научной литературе? Как она сравнивалась бы с эпическими сражениями на Восточном или Западном фронте во время Первой мировой войны, такими как Верден? Следует ли считать оборону Царицына 1918 года полностью современным конфликтом, или задействованные силы и тактика отражали более раннее время? Наконец, приветствовалось бы более систематическое внимание к периодизации историографии по данной теме. Как со временем менялись взгляды ученых на характер и значение Оборону Царицына? Скажем, между 1918-1930, 1930-1941, 1941-1945, 1945-1953, 1953-1986, 1986-1991, 1991-2000 и 2000-2025?¹ Есть мимолетное обсуждение некоторых важных работ, датированных этими периодами, но более структурированное обсуждение изменений с течением времени заслуживает внимания.

Примерно в последней четверти представленной диссертации М.Д. Шумаков несколько внезапно переходит к представлению эпической осады 1918 года в советском искусстве и массовой культуре между 1920-ми и 1980-ми годами. Этот раздел демонстрирует четкий хронологический акцент на 1930-х годах и акцент на средствах массовой информации, таких как романы, кинофильмы, театральные постановки, картины на холсте и художественные выставки. Меньше внимания в этом разделе уделяется другим аспектам массовой культуры, таким как массовые истории гражданской войны², и совсем не уделяется внимания популярным формам, таким как школьные учебники, газеты, массовые журналы, иллюстрированные открытки, путеводители, постоянные музейные экспозиции и публичные выступления партийных деятелей и деятелей науки и искусства.

Поскольку автор данного отзыва специализируется на предмете исторической пропаганды, мифотворчества и конструирования «полезного прошлого», эти темы занимают центральное место в данной оценке диссертации «Оборона Царицына в период

¹ См., например, *Клейтман А.Л., Петрова И.С.* Изучение истории Царицына в годы гражданской войны в советской историографии 1920-х гг. // *RussianStudiesHu.* 2024. Т. 6, № 2. С. 81–89.

² См. например *Рабинович С. Е. Геронимус А.* История гражданской войны: краткий очерк. М.: Партийное издательство, 1933; 2-е издание: *Рабинович С. Е., Минц И. И.* История гражданской войны: краткий очерк. М.: Гос. Социально-экономическое изд-во, 1935.

Гражданской войны в России». В ней убедительно доказывается, что существует больше чем случайная связь между ростом официальной политики памяти Оборона Царицына и ее героев, и ростом культа личности Сталина. Это приводит к вопросам о том, возникло ли это явление независимо само по себе или следует ли связывать рост официального внимания к Обороне Царицына с другими широкими нововведениями в советской массовой культуре в конце 1920-х и начале 1930-х годов. В конце концов, меняющееся повествование об Обороне Царицына почти в точности повторяло более широкие сдвиги в советской исторической пропаганде, в частности, переход от анонимного, схематичного исторического анализа к повествованиям, демонстрирующим более живой, доступный стиль повествования, представляющий новый пантеон советских героев (В.И. Чапаев, Н.А. Щорс, М.В. Фрунзе и др.)³.

М.Д. Шумаков убедительно доказывает, что публичное чествование Сталина в отчетах об осаде 1918 года было призвано повысить авторитет генерального секретаря как военного и политического руководителя (235 и т. д.). Были ли внутренние механизмы данной кампании также похожи на механизмы более широкого культа личности? Как и другие создатели культа, К.Е. Ворошилов, по-видимому, играл ключевую роль в качестве куратора⁴, особенно в его покровительстве художникам, таким как М.Б. Греков, писателям, таким как М. Горький и А.Н. Толстой, кинематографистам, таким как «братья» Васильевы⁵ и т. д. Контролировались ли аспекты культа Сталина, связанные с обороной Царицына, так же жестко сталинской канцелярией, как контролировался более широкий культ?⁶ Или, в качестве альтернативы вопросу, есть ли признаки низовой инициативы либо среди отдельных представителей творческой интеллигенции, либо со стороны провинциальных партийных боссов? Вспоминается, какую ключевую роль в формировании культа Сталина в Тбилиси в начале 1930-х годов сыграл первый секретарь Закавказского обкома партии Л.П. Берия⁷.

³ *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М.: Росспэн, 2017. С. 33-103; *Тихонов В.В.* Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

⁴ *Плампер Я.* Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 224-238.

⁵ Г.Н. Васильев и С.Д. Васильев на самом деле не были родственниками.

⁶ *Плампер Я.* Алхимия власти. С. 60-62.

⁷ *Сухарев С.В.* Лицедейство на поприще истории: Берия - апологет культа личности Сталина // Вопросы истории КПСС. 1990. № 3. С. 102-118.

Эта линия анализа приводит к дальнейшим вопросам: когда именно в начале 1930-х годов формируется единое, официальное повествование об Обороне Царицына? Как на эту официальную линию повлияла Ежовщина, особенно чистка офицерского корпуса Красной Армии в 1937-1938 годах (например, А.Е. Снесарева, А.И. Егорова и др.)? Возможно ли, что чистки парализовали аспекты официального чествования Оборона Царицына так же, как и чествование других командиров гражданской войны, таких как Щорс? Объясняют ли чистки задержку выхода фильма «братьев» Васильевых «Поход Ворошилова» и «Пархоменко» Л.Д. Лукова? Они скорее всего играли роль в задержке выпуска второго и третьего томов «Истории гражданской войны в СССР»⁸. Здесь пристальное внимание к разным изданиям учебников истории для школ и высших учебных заведений в 1930-е годы могло бы помочь охарактеризовать отдельные сдвиги в том, как эти события трактовались в официальных источниках⁹.

Слияние памяти об обороне Царицына с культом личности Сталина в 1930-е годы также приводит к другому набору вопросов. В какой степени включение Сталина в эту мобилизационную пропаганду создало повествование, преувеличивающее драматизм, напряжение и историческую значимость Оборона Царицына? В какой степени культ исказил или затормозил научную работу по этому вопросу?

Диссертант верно указывает, что пропаганда, прославляющая эпическую осаду 1918 года, почти исчезает из советской художественных выставок после начала войны (268-269). Виден ли этот спад внимания также в газетах и других формах массовой культуры? Почему Оборона Царицына оказалась в значительной степени неактуальна для военной пропаганды между 1941 и 1945 годами? Были ли реалии новой войны слишком отличными от революционных столкновений 1918 года? Были ли проблемы с поставками продовольствия слишком острыми, чтобы ссылаться на аналогию 1918 года? Вскользь в тексте диссертации упоминается выставка в Сталинграде в 1942 году, посвященная

⁸ Клейтман А.Л., Савка О.Г. Изучение истории обороны Царицына в рамках реализации издательского проекта «История гражданской войны» в 1930-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 5. С. 56–62; «История гражданской войны в СССР» (1935 г.): история текста и текст истории / Сост. М.В. Зеленев, Д. Бранденбергер. М.: Росспэн, 2017. С. 505; История Гражданской войны в СССР. Упрочение советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны. Ноябрь 1917 г. — март 1919 г. / Под ред. Найда С. Ф. и т. д. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1958. С. 227-230, 272-273, 365, 421-436, и т. д.

⁹ См., например, как Сталин переписал раздел об Обороне Царицына для «Краткого курса» истории ВКП(б) 1938 года, чтобы сосредоточиться на роли партии, а не своей собственной. См. Stalin's Master Narrative: a Critical Edition of the Short Course on the History of the Communist Party (Bolsheviks) / eds. David Brandenberger and Mikhail Zelenov. New Haven: Yale University Press, 2019. P. 415-417, 429.

Обороне Царицына (270). Связывали ли местные или всесоюзные газеты новый кризис вокруг Сталинграда с эпическими событиями 1918 года или они избегали этой связи из-за страха рисков, которые такая аналогия могла представлять для культа личности Сталина?

«Оборона Царицына в период Гражданской войны в России» мудро отмечает, что советская массовая культура вернулась к чествованию событий 1918 года после войны лишь от случая к случаю, в основном потому, что Сталину больше не требовалась легитимация как военному руководителю (270). Этот спад мифотворчества вокруг осады 1918 года затем ускорился после смерти Сталина в 1953 году¹⁰. Представляется интригующим, что после разоблачения культа Сталина в 1956 году общественное внимание, окружавшее Оборону Царицына, отвлеклось от Сталина, чтобы сосредоточиться на других, менее известных героях (273 и т. д.). Было ли это изменение в пропаганде изолированным явлением, призванным необходимость переписать культ Сталина? Или оно было связано с более широким поиском новых героев мобилизации при Н. С. Хрущеве и Л. И. Брежневем?¹¹ Кроме того, следует ли понимать отсутствие новых крупных фильмов, телесериалов и театральных постановок, посвященных Обороне Царицына, как указание на то, что осада 1918 года больше не считалась эпическим элементом советского «полезного прошлого»?

Наконец, как эти меняющиеся динамики в советской массовой культуре повлияли на профиль обороны Царицына в более широкой истории самого СССР? Если важность эпической осады 1918 года была преувеличена в 1930-е годы из-за ее связи со Сталиным, привел ли упадок культа личности в 1960-е–1980-е годы к искусственному подавлению значимости Обороны Царицына? Опять же, внимание к тому, как Оборона Царицына характеризовалась в эти годы в последующих изданиях официальных учебников истории, вероятно, предоставит необходимые подробности о контурах этой исторической пропаганды.

В целом, диссертация представляет собой тщательное и компетентное историческое исследование как самой осады 1918 года, так и того, как она впоследствии

¹⁰ Кстати, интересно было бы определить как сложилась судьба Музея-заповедника «Сталинградская битва» в Сталинграде после решения XX съезда КПСС в 1956 году. Были ли пересмотрены его экспозиции с целью сокращения или исключения упоминания роли Сталина в эпопеи? Или, как и в случае со музеем Станина в Гори, ему было разрешено сохранить свой подход к прошлому, несмотря на общесоюзную программу десталинизации?

¹¹ Jones, P. *Revolution Rekindled. The Writers and Readers of Late Soviet Biography*. Oxford: Oxford University Press, 2019.

использовалась в официальной пропаганде в период с 1918 по 1991 год. Я рекомендую автору рассмотреть возможность переработки диссертации после защиты для публикации в виде двух книг, поскольку последняя четверть настоящего текста вполне может быть расширена до отдельной книги.

С учетом всего вышесказанного, содержание диссертации Шумакова Михаила Дмитриевича на тему «Оборона Царицына в период Гражданской войны в России в 1918 г.: военно-стратегическое, политическое и историко-культурное измерения» соответствует специальности 5.6.1. «Отечественная история». Исследование представляет собой научно-квалификационную работу, в которой сформулировано решение научной задачи, придающее значение развитию данной области знаний, либо изложены новые научно-обоснованные технические, технологичные или иные решения и разработки, необходимые для развития страны.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата исторических наук соискателем ученой степени моей не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны существовать диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке Присуждения ученых Степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», и предпочтения к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета
Доктор исторических наук, профессор университета Ричмонда (США)

Бранденбергер Дэвид



03.03.2025г.